

Глобальное потепление после холодной войны

Краткая версия

Владимир Мацкевич

Часть 1. Можно ли ответить на вопрос «Возможны ли реформы в Беларуси?»

Будут ли реформы в ближайшее время в стране, я не знаю. Знаю только, что они необходимы, и без быстрых и успешных реформ наша страна будет только деградировать. Зададимся вопросом: как долго могут существовать режимы, вроде белорусского, кубинского, корейского или туркменского? Насколько они в принципе жизнеспособны? Исторический опыт говорит о том, что такие режимы существуют довольно долго, если в качестве единицы измерения использовать человеческую жизнь или поколение.

Иллюзия объективности революций и изменений побуждает людей к пассивному ожиданию этих изменений, и они ничего не делают, чтобы изменить общество, в котором живут, поскольку знают, что изменения придут сами собой. Иллюзия вечности и неизменности социально-экономического устройства тоже делает людей пассивными, поскольку они убеждены, что любые их действия и поступки никогда не будут иметь успеха.

Почему белорусы ничего не делают, чтобы изменить свою страну? Потому что одна часть общества уверена (имеет такую иллюзию), что так долго продолжаться не может, а демократические и рыночные перемены объективно неизбежны, поэтому их просто нужно дождаться. Другая часть общества убеждена, что существующее положение вещей является единственно возможным, ничего другого и быть не может, поэтому все попытки что-либо изменить заведомо тщетны и обречены на провал.

Любое деление общества на части условно. Возможно, что кроме этих двух пассивных частей в белорусском обществе есть еще кто-то, кто готов что-то сделать для изменения общества, кто готов принять участие в реформах или устроить революцию. Возможно, но не обязательно. Нужно еще знать, как эти перемены осуществить. И не просто знать, как их осуществлять, но уметь двигаться в условиях высокой неопределенности, от успеха к успеху, исправлять ошибки, от которых невозможно застраховаться, не бояться ошибаться на пути. Если такие люди в Беларуси есть, то есть и надежда на перемены, есть потенциал реформирования.

Чтобы начать отвечать на вопрос о возможности перемен в Беларуси всерьез нужно разобраться с пресуппозициями и допущениями. Общие пресуппозиции:

1. Мир и человечество на планете меняются. Беларусь — часть мира и человечества, поэтому не может быть вне мира, вне человечества, поэтому она меняется, хочет того или не хочет.
2. Мир меняется очень быстро, изменения происходят с ускорением, поэтому нужно адаптироваться к этому ускорению изменений и инноваций.
3. Мир меняется неравномерно: одни части мира меняются быстрее, другие медленнее, кто-то становится лидером изменений и выигрывает, кто-то опаздывает, становится аутсайдером и проигрывает.
4. Лидеры изменений получают все выгоды и преимущества изменений и инноваций, аутсайдеры подвергаются изменениям, терпят их и страдают от них.

5. Мало меняться вместе со всем миром, нужно выбраться из категории отстающих аутсайдеров, синхронизироваться с мировыми процессами изменений, а в идеале — быть среди лидеров инноваций и самим производить изменения.

Нечто новое в мире может появляться в любой его части. Но по темпам изменений и количеству производимых инноваций можно условно выделить три группы стран, наций и государств:

1. Страны-лидеры, или страны «первого мира». Они характеризуются не только и не столько тем, что в них производится большая часть инноваций, но и тем, что они легко принимают изменения, апробируют их, оставляют полезные и отказываются от вредных и бесполезных. Они чувствительны и восприимчивы к изменениям, происходящим из любой части мира.
2. Модернизирующиеся страны «второго мира», которые перенимают изменения, уже произошедшие в «первом мире», и находятся в постоянной гонке за лидерами.
3. Страны «третьего мира», в которые изменения приносятся извне субъектами из стран «первого» и «второго» миров.

Такое деление на три группы похоже на представления о мире эпохи холодной войны, но это поверхностное сходство. Пресуппозиции самоопределения или в какую из трех групп входит Беларусь?

1. Обретя в результате распада Советского Союза независимость, Беларусь была частью «второго мира», страной, находящейся в процессе перманентной модернизации.
2. Беларусь как независимое государство образовалась на базе одного из самых развитых регионов бывшего СССР, поэтому располагала высоким потенциалом перехода из категории «второго мира» в категорию «первого мира».
3. Общественное сознание и идеология установившегося в стране режима по своим установкам и предпочтениям не соответствовали положению стран «второго мира», политический режим и часть общества самоопределились в «третьем мире».
4. В силу специфических условий развития и географического положения изменения в Беларуси происходят быстрее и эффективнее, чем в большинстве стран «третьего мира». Поэтому Беларусь все еще имеет некоторый потенциал для развития и может ставить целью выход в группу стран «первого мира».

Вот на таких исходных полаганиях я могу начинать обсуждать и анализировать возможные реформы в Беларуси.

Часть 2. Несколько тезисов к анализу современной ситуации в мире и регионе.

Глобализация еще не закончилась, но и началась она не сегодня. Мы находимся уже на некотором промежуточном этапе глобализации, когда накопились какие-то эффекты, которые в прошлом только намечались, а теперь уже в достаточной степени изменили мир. Глобализирующийся мир иногда называют эпохой постмодерна, а предшествующие ему два столетия — эпохой модерна. Эпоха модерна характеризуется, кроме всего прочего, национализмом и созданием национальных государств, которые мыслились основными субъектами мировой политики и общественно-экономических изменений.

В процессе глобализации роль и место национальных государств приходится переосмысливать. Соответственно, переосмыслению подлежат и все связанные с государством категории: «гражданин», «личность», «закон и право», «права человека», «суверенитет государства» и «суверенитет личности» и многие другие.

Первое обстоятельство, которое нам необходимо учитывать в этом контексте, — это то, что в современном мире **государства определяются локально, а человек самоопределяется глобально**.

В процессе глобализации суверенитет национальных государств ограничивается все больше и больше, а суверенитет и свободы человека увеличиваются. Человек эпохи глобализации теряет интерес к государству, гражданином которого он является по факту рождения или натурализации. Он самоопределяется в мире и связывает улучшение своего качества жизни с местом, а не с политическими институтами. Если он может реализовать свои способности и желания в какой-либо области деятельности, он должен найти в мире такое место, где его способности могут быть востребованы, а его запросы могут быть удовлетворены.

Это ведет к тому, что активный человек все меньше уделяет внимания политике в рамках национального государства, все меньше от него зависит, не стремится к влиянию на него, а ищет возможности самореализации в открытом мире. Главными условиями его самореализации являются не политические или какие-либо иные условия его родной страны, а исключительно его образованность, компетентность, активность и мобильность.

Вторым важнейшим обстоятельством для нашего анализа выступает утрата национальным государством не только суверенитета, а значит, и субъектности в мировых процессах изменений, но и то, что государства и нации перестают быть единицей анализа в понимании мировых процессов. Рассмотрим в этом ракурсе упоминавшееся выше трехчастное деление мира на «первый», «второй» и «третий» миры.

Во времена холодной войны было легко определить место любой страны в одном из трех миров: «первый мир» — развитые страны; «второй мир» — страны коммунистического блока; «третий мир» — «развивающиеся» страны. Большинство государств мира входило в Организацию Объединенных Наций. Но конфликты интересов и политические коллизии в ООН определялись принадлежностью разных государств-наций к двум противостоящим друг другу блокам: блоку НАТО и блоку Организации Варшавского договора. Входившие в эти военные, или оборонные, блоки страны составляли костяк «первого» и «второго» миров.

С падением Берлинской стены, роспуском Организации Варшавского договора и развалом СССР закончилась холодная война, и деление на эти три мира потеряло значение, **а границы между тремя мирами сейчас проходят не по границам национальных государств, они проходят внутри стран и наций**.

Три мира времен холодной войны — аналитический принцип, позволяющий провести границы между странами, относимыми к разным общественно-политическим системам. Тогда как три мира, о которых можно вести речь в наше время, — это идеальные типы, т.е. синтетическая процедура, позволяющая понять действия, поведение, события жизни и судьбы некоторых больших сообществ.

С некоторой долей условности в группы стран идеально-типических «первого» и «третьего» миров можно зачислить целые государства и нации. Например, Эстонию, Финляндию, Швейцарию можно целиком причислить к «первому миру». Некоторые страны Африки и Азии однозначно попадают в группу «третьего мира». В большинстве же случаев эти три мира уживаются в рамках одной нации. И зачислять какую-либо страну в группу развитых стран или лидеров инноваций можно только на основании политики, проводимой государством, а не по уровню развития всей страны.

Разделение нации и общества по отношению к развитию и инновациям особенно болезненно для стран «второго мира», т.е. тех, кто находится в состоянии бесконечной модернизации, участвуют в

гонке за лидерами без надежды когда-либо их догнать. К этой же группе можно отнести Беларусь, Украину и Россию

Как это проявляется в Беларуси?

Часть белорусов практически самоустранилась от участия в политических, экономических и общественных процессах в стране, аргументируя такое самоустранение тем, что они и так «живут в Европе». Уровень, качество и образ жизни этих белорусов практически ничем не отличается от того, как живут в Польше, Литве и более отдаленных странах. Существует и другая часть белорусов, которые никогда не покидали пределов страны, не знают языков, ограничены в своих компетенциях настолько, что оказываются функционально безграмотными за пределами среды своего постоянного обитания.

Эти две группы белорусов могут жить в одних и тех же городах, даже на соседних улицах. Но одни живут в «первом мире», а другие — в «третьем». И между ними — пропасть. Пропасть в сознании. Сложнее всего белорусам из «второго мира». Они знают о преимуществах глобализации, демократии, правах и свободах человека, мобильности, как географической, так и социальной, но это все для них недоступно. И доступ к преимуществам глобализации для них перекрыт государственным устройством и установившимся режимом, политикой и экономикой в стране.

«Первому» и «третьему» мирам не нужны перемены и реформы, хотя и по разным причинам. В переменах нуждается только «второй мир». В белорусском обществе эти три группы представлены далеко не в равных пропорциях, и не в равной степени они владеют ресурсами для осуществления перемен.

Сегодня правящий класс в Беларуси формируется из той части общества, которая живет в «третьем мире». Этих людей пугает глобализация, они не знают, как к ней адаптироваться, не способны быть инициаторами инноваций, лидерами перемен.

Географическое местоположение любой страны в некоторой степени определяет историческую судьбу этой страны. География детерминирует историческое начало, но не предопределяет исторический конец. Она определяет, откуда мы начинаем свой путь, но пункт назначения и цель движения люди и человеческие сообщества выбирают сами. Географическое положение страны — всего лишь условие самоопределения правящего класса этой страны. Его необходимо учитывать при выборе направления развития и при анализе ресурсов, необходимых для обеспечения этого развития.

Самоопределение правящей элиты Беларуси строится как на учете геостратегического положения Беларуси, так и на высоких геополитических амбициях. Белорусский режим претендует, во-первых, на лидерство в географическом регионе Евразии, во-вторых, на использование своей близости к Европе в качестве ресурса для обеспечения этого лидерства. Беларусь становится самым западным членом глобального сообщества лидеров мирового развития, самой западной страной «первого мира», или той группы стран, которая станет «первым миром» в ближайшем будущем.

Насколько справедливы такая картина мира и такая версия истории?

Сторонники выбора европейского вектора развития не считают их справедливыми. В своей стране сторонники выбора европейского вектора развития не только не доминируют, но оказываются в меньшинстве.

После распада СССР перед правящими группировками Беларуси, Украины и России стояли сходные проблемы, но разные вызовы. Разрешение системного кризиса, доставшегося в наследие от деградировавшего СССР, в каждой из стран происходило в соответствии с тем, какую идеологию

приняли для себя правящие элиты, какие аспекты власти (деньги, силовые структуры или баланс интересов) они избрали для удержания контроля над экономикой и обществом, какие механизмы государственного управления они использовали, какую экономическую модель реализовывали, и каким образом ориентировали население для нормализации изменившегося образа жизни. Существовавший в СССР и составляющий костяк СНГ треугольник Москва—Киев—Минск не является ни равносторонним, ни даже равнобедренным. Влияние Москвы на Киев и Минск огромно и несопоставимо с влиянием Киева и Минска друг на друга. Со стороны Москвы это можно рассматривать как влияние, а со стороны Киева и Минска — как зависимость. Киев и Минск зависимы от Москвы по трем основным сферам или факторам, плюс — можно выделить еще один генеральный и универсальный фактор.

Основные факторы:

- Военно-стратегическая зависимость и силовое давление;
- Финансово-экономическая зависимость;
- Интеллектуальная зависимость.

Генеральным фактором является информационная зависимость. У Киева и Минска нет секретов от Москвы. С советских времен вся статистика, планы, карты, прогнозы — вся и всяческая информация — сосредотачивалась и накапливалась в Москве.

Часть 3. Положение дел в Беларуси

Сегодня в Беларуси нет агентов перемен и сколь-нибудь реалистичных предложений реформ или трансформации. Этот тезис может показаться слишком категоричным. Наивная вера в объективную неизбежность реформ и не менее наивная убежденность в вечности и неизменности установившегося порядка вещей присущи представителям всех трех миров. Сочетая их вместе, мы получим шесть типологических кластеров в белорусском обществе, ни один из которых не способен к замысливанию и реализации перемен.

Таблица 1.

	«Первый мир»	«Второй мир»	«Третий мир»
Иллюзия объективности и законосообразности изменений	«Конъюнктурщики»: сканирование временных состояний (застой—развитие) мест возможного пребывания	«Протестный электорат»: пассивное ожидание перемен, сканирование неприятностей и признаков кризиса, участие в протестных движениях	«Агрессивное большинство/меньшинство»: враждебное отношение к любым переменам, терпеливое приспособление к переменам, которых невозможно избежать
Иллюзия неизменности и вечности порядка вещей	«Эмигранты» (актуальные и потенциальные): поиск места на планете, где «лучше»; дрейф и миграция; сканирование «потребительских качеств» мест возможного пребывания	«Вышиванки» («литвины», «коммунисты» и т.д.): жизнь прошлым, увлечение символами, демонстрация символов прошлого, адаптация к условиям, пассивное принятие судьбы	«Простые люди»: удовлетворенность стабильностью, рутинные занятия

Но в стране есть (могут или должны быть) люди, знания и ресурсы для перемен и реформ, просто они не проявлены, и потому никому не видны. Ни тем, кто заинтересован в реформах, ни тем, кто

их боится и не хочет. Однако необходимо разобраться с набором иллюзий, которые мешают всерьез рассматривать трансформацию и перемены в Беларуси.

Одним из марксистско-ленинских принципов в отношении перемен, реформ и революций является формула «верхи не могут, низы не хотят». Эту формулу рано или поздно вспоминают все, кто начинает обсуждать реформы и перемены в стране: и интеллектуалы, и крестьяне, и левые, и правые, и революционеры, и консерваторы. При этом никто не уточняет, чего именно не могут верхи, чего не хотят низы.

Ленинская формула абсолютно манипулятивна, она позволяет всем хотеть, чего угодно, и ничего при этом не мочь. Классовое деление общества по отношению к собственности на средства производства сохраняется во «втором» и «третьем» мирах, и в Беларуси все еще имеет значение. В странах «первого», «второго» и «третьего» миров собственность, богатство и власть распределены в обществе по-разному, в «первом мире» наибольшее значение в этом распределении приобретают знания и компетентность, в «третьем мире» знания и компетентность по-прежнему имеют минимальное значение.

Таблица 2.

	«Первый мир»	«Второй мир»	«Третий мир»
Приоритеты и ценности	1) Знания и компетенции	1) Власть и насилие	1) Собственность и богатство
	2) Собственность и богатство	2) Знания и компетенции	2) Власть и насилие
	3) Власть и насилие	3) Собственность и богатство	3) Знания и компетенции
Желание перемен в стране	Неопределенность	Да	Нет
Наличие ресурсов и финансов	Распылены и не контролируются	Нет	Контролируются режимом
Политическое представительство	Нет (отдельные люди на службе в госуправлении)	Нет (имитация оппозиционных партий и движений, НГО)	Да (установившийся политический режим)

Для совершения самых малых перемен в любых масштабах (семьи, фирмы, местного сообщества, города, страны и т.д.) нужна концентрация власти, финансов или разнообразных ресурсов, права собственности на подлежащий изменениям объект, знаний и компетенций и, естественно, желание что-то менять. Если же все это распределены между разными частями общества, то необходимо договариваться об их концентрации в одном месте, в одно время и в руках одного коллективного субъекта.

Представители «первого» и «второго» миров не имеют политического представительства, они отчуждены от управления и от собственности. Но хуже всего то, что они никак не оформлены политически. Установившийся в стране режим декларирует социальный принцип организации государства. На языке белорусского режима это означает, что власть представляет все слои общества и не делает между ними различий, формируя предельно гомогенное общество. В некотором смысле, это действительно так: белорусский режим не допускает самоорганизации ни в одном из сегментов или слоев общества и пытается взаимодействовать с каждым из граждан индивидуально, самих граждан режим рассматривает как подданных.

В Беларуси сложилась распределительная система, при которой государство монопольно может перераспределять любые ресурсы, наделяя властью, собственностью, деньгами одних подданных и лишая всего этого других. В Беларуси от 80% до 90% граждан страны включены в перераспределительную систему и зависимы от нее. Точнее определить, сколько граждан

вовлечены в эту систему, невозможно в силу специфического устройства системы учета и контроля движения финансов и ресурсов, условности разделения собственности на государственную и частную. Независимый от государства сектор экономики все же существует. Это предприятия с долей иностранного капитала, бизнес, работающий через офшоры или являющийся резидентом других государств, фрилансеры самых разных специальностей, мелкие предприниматели, теневой капитал. Но и эта «независимость» призрачная, поскольку она возможна только до тех пор, пока деятельность организаций, групп или отдельных людей не привлекает внимания фискальных или правоохранительных органов. Некоторая часть НГО, включенная в деятельность европейских фондов и программ помощи, незначительная часть малого бизнеса, существующая на кредиты МФК или иных международных программ, вовлечены в международную перераспределительную систему. И лишь немногие НГО способны найти нишу для независимого существования.

Прежде чем искать и оценивать потенциал перемен в Беларуси, необходимо проследить те изменения перераспределительной системы общественно-экономических отношений, которые произошли в последнее время — в период перехода от индустриальной эпохи к постиндустриальной, в эпоху складывания нового экономического уклада и экономики знаний.

Принято считать, что перераспределительная система в Беларуси является наследием СССР. Это так, но она формировалась еще и под влиянием глобализации. Одним из аспектов глобализации является принудительное распределение, возникшее в последние 20-30 лет. Компьютерные программы, мобильные приложения, как и многие современные продукты, распространяются принудительно, когда желание потребителя практически не учитывается. В 90-е годы прошлого века компьютерные программы менялись настолько быстро, что если бы они распространялись так же, как товары индустриальной эпохи, то Всемирная паутина и вся инфраструктура, на ней построенная, находились бы только на самом начальном этапе. Софт и приложения практически навязывались потребителю без его согласия.

Принудительное распределение возникло не сегодня. С появлением радио началось принудительное распределение музыкальной продукции, телевидение принудительно распространяет новости, художественный контент. Мода тоже представляет собой принудительное распределение, когда люди вынуждены приобретать не то, что им нравится или необходимо, а то, что навязано общественным мнением и законодателями мод, *haute couture* и *prêt-à-porter*. Собственно, мода и формирует то, что людям нравится, навязывает вкусы, формирует сознание. В XX веке мода стала индустрией и охватила практически весь спектр товаров и услуг: от продуктов питания и первой необходимости до предметов роскоши и избыточных услуг.

Беларусь тоже втянута в этот процесс глобального принудительного распределения и вынуждена постоянно обновляться. Впрочем, вне этого процесса сегодня не может находиться ни одна страна, ни одно сообщество.

Различия между «первым», «вторым» и «третьим» миром пролегал в том, что:

- «первый мир» инвестирует в это принудительное распределение (и в производство того, что принудительно распределяется), потребляет все это в первую очередь, диктуя моду, и получает прибыль от быстрого распространения новых товаров и услуг в странах «второго» и «третьего» миров;
- «второй мир» просто потребляет, следуя моде и необходимости;
- «третий мир» некоторое время сопротивляется потреблению инноваций, и они проникают в него не просто принудительно, но контрабандой и по серым схемам, поэтому в «третьем мире» не удается даже получать доход от налогов с продаж принудительно распределяемых товаров и услуг.

Социально-экономическая модель Беларуси представляет собой гибрид социализма прошлого века с системой современного принудительного потребления. Только если попытаться взглянуть на Беларусь целостно и в динамике, то можно обнаружить систематическое запаздывание всех процессов. Все процессы в Беларуси происходят как эхо, как рефрен, как запоздавший повтор того, что происходит в других частях мира. Но такое положение и состояние дел — только следствие специфического соотношения процессов производства и потребления в их общественно-экономическом и политико-идеологическом смысле.

В общем и целом, белорусское общество — это общество потребления, застрявшее в индустриальной эпохе. Что нужно понимать про эту систему? Это то, что она создавалась по планам извне, инвестиции (капитальные вложения, как это называлось в СССР) приходили извне, продукция вывозилась и потреблялась вовне, поэтому индустрия Беларуси обозначалась метафорой «сборочный цех Советского Союза». Это значит, что во всей индустрии Беларуси не было предпринимателей и хозяев, не было финансистов и финансовых технологий высокого уровня, а только финансовое сопровождение, не было никакого маркетинга. То есть не было одной из основных социальных групп, обеспечивающих развитие. Весь персонал огромной индустрии состоял из исполнителей разной квалификации. Такое же положение дел было и в системе госуправления в целом.

После развала СССР сменился собственник всех предприятий индустрии, но тип собственника остался прежним, одно государство сменило другое. Причем новый собственник был гораздо слабее предыдущего в силу отсутствия кадров, способных ставить цели и решать проблемы.

Заниженный уровень потребностей до сих пор характерен для населения Беларуси, живущего в «третьем мире». Кроме того, эта часть населения характеризуется низкой покупательной способностью. Низкая покупательная способность не вызывает недовольства или протеста именно по причине незначительности запросов. Большая часть потребностей этих людей удовлетворяется через систему распределения, рассчитанного на пассивное потребление.

Часть 4. Онтология и гуманитарные технологии

Рамки проблемы, которую нам необходимо решать, заданы реформами и изменениями в стране. Самым простым образом это можно сформулировать так: **«Нам нужны реформы в Беларуси!»**.

Кому это «нам», кто это «мы»? Мы — это те, кому нужны реформы в стране, а поскольку они нужны нам, то мы об этом и говорим. Те, кто это говорит, читает и обсуждает, и есть «мы».

Следующий вопрос: «Если мы — это те, кому нужны реформы, то знаем ли мы, какие именно реформы нас устроят, каких реформ мы хотим, и кто такие мы?». Что мы знаем о себе и об иных?

К тому, что сформулировано выше в таблице 2, стоит добавить разницу в масштабах жизненного мира представителей трех миров (см. таблицу 3).

Жизненное пространство — пространство, на которое распространяются интересы представителей «первого мира» — глобально, это вся планета и все человечество. Представители «второго мира» живут в страновом масштабе, а представители «третьего мира» — в локальном. Разница масштабов определяет разное отношение к событиям, явлениям, действиям и поступкам. Точно так же по-разному представители трех миров воспринимают друг друга.

Люди «второго мира» упрекают людей «первого мира» в отсутствии патриотизма, в отсутствии интереса к своей стране и к политике. А люди «первого мира» отмечают чрезмерную зависимость людей «второго мира» от политики, власти, общественных институтов. Они не понимают, почему, вместо того, чтобы самим решать свои проблемы и строить свою жизнь на собственных принципах

и собственными усилиями, люди «второго мира» возлагают ответственность на социальные институты, на государство и ждут от них решения собственных проблем.

Люди «второго мира» слишком большое значение придают власти и насилию, отсюда их повышенный интерес к электоральному большинству, которое составляют люди «третьего мира». В борьбе за симпатии электорального большинства представители «второго мира» очень озабочены интересами представителей «третьего мира», слишком заботятся о локальных проблемах, об удовлетворении заниженных потребностей людей «третьего мира» и игнорируют потребности людей «первого мира».

Таблица 3.

	«Первый мир»	«Второй мир»	«Третий мир»
Приоритеты и ценности	1) Знания и компетенции	1) Власть и насилие	1) Собственность и богатство
	2) Собственность и богатство	2) Знания и компетенции	2) Власть и насилие
	3) Власть и насилие	3) Собственность и богатство	3) Знания и компетенции
Желание перемен в стране	Неопределенность	Да	Нет
Наличие ресурсов и финансов	Да	Нет	Нет
Масштаб жизненного мира	Глобальный	Страновой	Локальный
Участие в политической жизни	Сервильное, по заказу и приглашению	Активное	Пассивное
Отношение к идеологии	Познавательное и несерьезное	Чрезмерно серьезное и некритическое	Эгоистическое
Потребление	Опережающее, поисковое	Запаздывающее, подражательное	Принудительное

Однако было бы ошибкой ограничиваться в поисках потенциала реформирования и изменений только одним объектом — человеком, или людьми.

Мы можем выделить второй объект нашего интереса в поисках потенциала реформ и изменений — **коммуникацию миров и взаимодействие их между собой.**

И основная проблема в этой коммуникации состоит в том, что внимание представителей «второго мира» направлено в противоположную сторону от тех, с кем им необходимо вести коммуникацию.

На уровне обывательской идеологии эту проблему часто формулируют как противостояние глобализма и антиглобализма. «Второй мир», находясь в догоняющей позиции, не просто опаздывает в потреблении и освоении инноваций, но еще и видит в представителях «первого мира» своих конкурентов, оппонентов и даже врагов. Но синхронизироваться с процессом ускоренного развития представители «второго мира» могут только во взаимодействии с представителями «первого мира» при объединении человеческих ресурсов, знаний и компетенций «первого» и «второго» миров.

А этого объединения усилий и ресурсов, этого взаимодействия миров как раз и нет. То есть оно есть в тех странах и регионах, которые живут по принципам и установкам «первого мира», и нет там, где правила игры, принципы проведения политики определяются непоследовательной идеологией представителей «второго» или (и особенно) «третьего» миров.

Проблема Беларуси в том, что, желая перемен и реформ, представители «второго мира» ищут опоры в «третьем мире», не выстраивая отношений с «первым миром», игнорируя представителей «первого мира», обитающих в нашей стране, но живущих глобальными интересами.

Таким образом, мы выходим на третий объект, к которому должно быть обращено повышенное внимание, если мы хотим обнаружить в стране потенциал реформирования и перемен, — **глобальные процессы, проблемы и задачи.**

Итак, мы можем в первом приближении зафиксировать три объекта, или три онтологических действительности, не разобравшись с которыми мы не сможем найти потенциал реформирования в нашей стране и, тем более, не сможем запустить и провести необходимые реформы:

- 1) **Антропологическая действительность:** люди, человеческое сознание, установки, идеология и картина мира;
- 2) **Коммуникация и взаимодействие между представителями разных миров, или носителей разных картин мира;**
- 3) **Собственно картина глобального мира и глобальные проблемы современности.**

Анализировать объекты в этих действительностях необходимо не в познавательной установке (выясняя, «как он есть на самом деле», независимо от наших целей и намерений), а в деятельностных рамках. То есть если мы хотим реформ и перемен, то нам совсем не безразлично:

- С каким человеком, с какими людьми в стране мы имеем дело? Меняются ли люди в Беларуси, и если меняются, то в какую сторону? Возможно ли влиять на скорость и направление этих изменений?
- Как устроена общественная, политическая и личная коммуникация в Беларуси между различными участниками общественно-политического процесса? Какие факторы влияют или могут повлиять на характер и структуру этой коммуникации?
- Какой должна быть картина мира современного человека, чтобы обеспечивать ему полноценное участие в глобальных процессах? Какая картина мира позволяет планировать, проектировать и программировать индивидуальную и общественную деятельность так, чтобы успевать в эпоху ускоренного развития и инноваций?

В рамках этого текста мы сосредоточимся только на проблемах коммуникации между «первым» и «вторым» мирами и на организации конструктивного взаимодействия между ними.

Часть 5. Навстречность миров

Следует обозначить как мы будем использовать категории мира и пространства. Итак:

- Областью определения трех миров, о которых здесь идет речь, является концентриальное или ментальное пространство;
- Информационное пространство — это область взаимодействия и коммуникации (или, наоборот, изоляции) миров;
- Географическое пространство, или территория совместной жизни и деятельности, может быть как местом встречи и мирного сосуществования (мультикультурализм), так и театром военных действий.

Можно анализировать, какой из миров контролирует каждое из названных пространств (территорию, информацию, сознание), а можно поставить вопрос проще: какой из миров может и должен определять жизнь в Беларуси как части Восточной Европы?

Можно было бы сказать, что судьбы стран Восточной Европы определяются тем, как элиты и правящий класс в каждой из стран отвечает на подобный вопрос. Те страны, в которых история XX века рассматривается как колонизация и оккупация Советским Союзом, успешнее тех стран, которые трактуют историю иначе. То есть национальная версия истории определяет траекторию развития страны. История объективно связана с географией и определяется территориальным пространством. А вот версия истории располагается в консциентальном пространстве. Таким образом, пространственное мышление становится полем битвы, в которой определяется будущее страны через версию ее прошлой и актуальной истории.

Я несколько не склонен преувеличивать значение сознания в преобразовании пространства. Влияние сознания на территорию опосредовано хозяйственной деятельностью, а хозяйственная деятельность зависит от экономики, экономика же уже полтысячи лет глобализируется. Поэтому не все и не всегда зависит от сознания тех, кто хозяйничает на территории. Фернан Бродель довольно убедительно показывает в своих «мирах-экономиках», каким образом территории зависят от процессов, которые в этих мирах разворачиваются и почему хозяйство Беларуси формировалось процессами, происходившими в Западной Европе и Средиземноморье.

Мы не можем переместить Беларусь к морю, но мы можем проводить политику Межморья. Мы можем наши природные условия рассматривать как препятствия, а можем как возможности. Это зависит от того, представители какого мира — «первого», «второго» или «третьего» — определяют общественное сознание нации.

Если те и другие вместе, если они устремлены навстречу друг другу, то такая **навстречность** является необходимым условием развития территории. Людям «первого мира» все равно, где развиваться, вводить инновации и пользоваться ими, а людям «второго мира» важно, чтобы развитие происходило здесь и сейчас. Люди «первого мира» определяются глобально, т.е. «их территория» — это вся планета, их референтное сообщество — все человечество, они являются современными номадами. Мобильность современных номадов — это не просто «легкость на подъем», не только образ жизни, это направленный поиск пространства, где возможно развитие, где с большей вероятностью возникают изменения, где они легче внедряются и распространяются. Люди «первого мира» тестируют территории на отношение к инновациям и развитию, и если территория контролируется «третьим миром», то она будет чужой для них. Если территория контролируется людьми «второго мира», то все определяется тем, куда направлены устремления этих людей: на цели, ценности и идеалы «первого мира» или на ценности и идеалы «третьего мира». В зависимости от этого, территория будет развиваться. Или не будет. И не только территория, т.е. географическое пространство, но и консциентальное пространство. Вот только территориальное пространство можно контролировать в разных формах (суверенитет, собственность, насилие, разумное планирование), тогда как консциентальное пространство контролировать гораздо сложнее.

Контролем консциентального пространства во все времена занимались религия и церковь, а в XX веке — тоталитарные режимы посредством идеологии. И только в конце холодной войны консциентальное пространство стало предметом внимания политических и гуманитарных технологов. Холодная война была осознана не просто как временное мирное сосуществование двух систем (отсутствие горячей войны), но как война за сознание, или война, театром боевых действий которой является пространство сознания.

Когда холодная война закончилась, точнее — утратила актуальность, на повестку дня было поставлено глобальное **развитие**.

Развитие можно понимать и рассматривать как имманентное, т.е. происходящее по внутренним причинам самого развивающегося объекта, а можно как системное, когда развитие есть следствие связей и отношений объекта с другими объектами, с метосистемой, в которой объект развития

обретает свое существование. С тех пор, как мир стал глобальным, имманентным можно признать только развитие человечества в планетарном масштабе. Развитие же отдельных объектов в составе человеческой цивилизации — это системно-обусловленные и взаимозависимые процессы и явления. Развитие частей можно понять и объяснить только в составе целого, в комплексе с целым.

Беларусь — часть человечества, связанная многочисленными отношениями со всеми другими частями, поэтому никакого имманентного развития Беларуси нет и быть не может.

Процесс развития характеризуется:

- **Гетерохронностью**, когда части целого меняются не одновременно: одни — раньше, другие — позже. Позже и вынуждено, подстраиваясь под изменения других частей;
- **Гетерономностью**, когда изменения в географическом пространстве и материальной среде законосообразны, а изменения в концентриальном пространстве произвольны. Произвольны, т.е. зависят от воли, понимания, разума людей;
- **Гетерогенностью**, когда причины и факторы, вызывающие развитие, происходят из различных источников, как внутренних, так и внешних, и сопряжены с целями и ценностями людей.

Интересующие нас миры — это, в первую очередь, сообщества, а не отдельные люди или простая механическая совокупность людей. Как и любые большие человеческие сообщества, они воображаемые, если воспользоваться термином Бенедикта Андерсона.

Но если нации формировались как воображаемые сообщества на динамичных представлениях следующего характера: **от общей истории и происхождения к общему будущему сообщества, принимаемого в том же составе по происхождению**, то описываемые здесь миры формируются на несколько иных динамичных представлениях: **от воображаемого будущего к формулированию и планированию актуальных действий и поступков**. Общее будущее для людей «первого мира» не предполагает общего прошлого, общности происхождения, если не иметь в виду все человечество в целом. Для людей «третьего мира» общность прошлого и происхождения по-прежнему играет первостепенную роль. Люди «второго мира» мечутся между этими двумя векторами воображения.

Часть 6. Антропологическая действительность

Права человека и свобода в XX веке стали восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Равенство людей в правах как принцип принят всеми, хотя сами права трактуются и понимаются по-разному. Равенство прав человека обеспечивает человеку свободу. Свобода же обеспечивает разнообразие индивидуальных различий между людьми. Уравнивание людей в правах ведет к увеличению индивидуальных различий, к появлению индивидуальности.

Эмансипация индивида, выражавшаяся в борьбе за права и свободы, приводит к двум главным эффектам:

- 1) **Появление и накопление индивидуальности.** Люди становятся все меньше похожи друг на друга, и эта непохожесть на других становится ценностью. Именно она характеризует человека, а не его место и статус в сообществе людей;
- 2) **Изменяется смысл и характер связи человека и общества/сообщества.** Зависимость человека от общества ослабевает, связи и отношения человека с обществом становятся разнообразнее и сложнее. Качественное и количественное изменение общественных связей ведет к системным изменениям самого общества. Сообщества, в которых индивидуальность подавляется и нивелируется, кардинально отличаются от сообществ, в которых индивидуальность ценится и поощряется.

Применительно к концепции трех миров эти эффекты можно радикализировать, представить в категоричной форме:

- Люди «первого мира» индивидуализированы, индивидуальность и особенность в «первом мире» поощряется, ценится и обеспечивает успешность в сложных и разнообразных системах жизни и деятельности;
- Индивидуальность человека в «третьем мире» нарушает устоявшийся порядок вещей, поэтому вызывает подозрение и при возможности подавляется и нивелируется;
- Люди «второго мира» индивидуализированы почти так же, как и люди «первого мира», но на ценностном уровне они придерживаются идеологии «третьего мира», т.е. склонны подавлять как свою индивидуальность, так и индивидуальность других членов сообщества.

Учитывая эти накопившиеся изменения общественных систем, в прикладном смысле следует зафиксировать, что **мы не сможем найти агентов перемен в каких бы то ни было социальных группах, стратах или классах.**

Вплоть до Первой мировой войны в обществоведении доминировали классовые, расовые, национальные теории, на их основе строились общественные практики. Потом стало понятно, что такой масштаб, такая калибровка в рассмотрении общественных явлений слишком груба и не позволяет увидеть реальное положение дел. Начались поиски меньших единиц для членения общества и более глубокого анализа. Питирим Сорокин предложил категорию «страты», которая не имела размеров и масштабов, позволяла типологизировать социальные группы по любым, часто случайным параметрам. В маркетинге возникла и до сих пор популярна категория «целевые группы», которые можно выделять по произвольному набору параметров и характеристик. Целевые группы, с которыми целесообразно иметь дело в практике, либо сужаются и конкретизируются до очень мелких, с детализацией по многим параметрам, либо размываются до крупных и аморфных. Возможность компьютерной переработки больших массивов данных позволяет перейти к таргетированию в маркетинге, когда целью (*target*) становится индивидуальный потребитель. К индивидуализированному потребителю адаптируется даже индустриальное производство, которое ранее мыслилось способным производить только массовые стандартизированные продукты большими партиями. Сейчас на основе базовых моделей производится множество вариаций продукта, рассчитанных на различные вкусы и предпочтения.

В современном мире каждый человек самоопределяется по отношению ко всем наличным, мыслимым и воображаемым сообществам, сам решает, к какому из сообществ принадлежать, может решить не относить себя ни к одному из них. Границы сословий, классов, этносов, конфессий, гендерной идентичности стали размываться еще после Первой мировой войны, а после Второй мировой этот процесс шел с таким ускорением, что это создавало впечатление революций во всех сферах жизни: социальная революция, революция менеджеров, культурная революция, сексуальная революция и т.д.

Разумеется, демографические характеристики в большинстве случаев влияют на мнение и позицию индивида, точно так же как гендерная идентификация, место жительства, профессия и др. Но это влияние ограничивается содержанием объектов, находящихся в поле внимания человека, а не образом мысли и идеологией.

Современный человек индивидуален, его невозможно понять и объяснить принадлежностью к какому-либо социальному типу.

Индивидуализация в большей степени свойственна представителям «первого мира». И, наоборот, в «третьем мире» она не ценится и даже подавляется, там по-прежнему требуется не собственное мнение, собственный образ мысли, а следование общепринятым мнениям.

Однако идеология прав человека, декларирование свобод, установка на самостоятельность мышления некритично потребляются и в «третьем мире». В опросах общественного мнения, беседах и дискуссиях представители «третьего мира» провозглашают имеющиеся у них мнения и взгляды как собственные. Они могут утверждать некритично усвоенную банальность, которая произносится уже несколько веков, давно опровергнута и вышла из моды как мысль, к которой они пришли в результате собственных размышлений. Мнения людей в «третьем мире» формируются (неявным образом) их окружением, референтной группой и местными авторитетами. Но местные сообщества, даже многочисленные, не формируют всего спектра мнений, которые могут потребоваться в эпизодической коммуникации или в политической жизни. Тогда включается другой источник формирования мнений в «третьем мире» — СМИ. Этим источником злоупотребляют в современном мире многие из тех, кто претендует на формирование общественного мнения.

Итак, ресурсы изменений и инноваций, агентов реформирования в Беларуси нужно искать не в социальных группах, классах, кластерах, а в индивидуальных людях.

Часть 7. Менять мир самим или ждать, пока нас изменят?

Даже если в стране не будет никаких реформ, уровень жизни будет расти, качество жизни населения будет улучшаться, инфраструктура будет совершенствоваться, в промышленности будут внедряться новые технологии, роботы будут высвобождать совокупное свободное время трудящихся, блокчейн будет отвоевывать позиции в финансовой системе и т.д., и т.п. Все будет улучшаться.

Все будет улучшаться, а страна будет все больше отставать. Разрыв между Беларусью и развитыми регионами планеты будет увеличиваться.

Изменения происходят в Беларуси по инфраструктурным законам расширения «первого мира» по планете, по правилам освоения новых территорий. «Зеленая экономика», экологическое сельское хозяйство, скоростной интернет, комфортабельные гостиницы и привычное качество жизни нужны «первому миру» не в Беларуси, а по всей планете, и только поэтому — в Беларуси.

Кто бы ни был хозяином или сувереном этой территории, она должна быть освоена цивилизацией, поскольку эта цивилизация считает своей ойкуменой всю планету. Беларусь осваивается, осваивается в результате процессов **перераспределительной экономики** глобального масштаба и **принудительного потребления**.

Беларусь меняется в результате освоения ее «первым миром», меняется вопреки желаниям и действиям «третьего мира», меняется без нас. **«Без нас»** — так называется самое глубокое и принципиальное эссе Валентина Акудовича, самого здравомыслящего, честного и рефлексивного философа «второго мира» в Беларуси. Без нас — это без активного отношения «третьего мира», который сопротивляется любым переменам и инновациям, но терпит их вынужденно. Но пафос этого эссе Акудовича адресован не «третьему», а «второму миру» белорусов. Без нас строятся дороги, дома, электростанции, ставятся спектакли, снимаются фильмы, обживается «улица Бразил» и Зыбицкая, — говорит Акудович тем, кто болеет душой за Беларусь, за нацию, борется с режимом, установившимся с опорой на «третьемирное» большинство.

Главной, центральной, системообразующей и запускающей процесс реформирования целью может быть только одна — выведение Беларуси в число территорий и сообществ «первого мира».

Реформы в стране нужны только для этого — вывести Беларусь в «первый мир». И это требует серьезного консциентального переворота, или поворота сознания. Поворота от целей и ценностей «третьего мира» к целям и ценностям «первого мира». Только при таком консциентальном

повороте возможна коммуникация между «вторым» и «первым» мирами, взаимопонимание между ними, сложение сил, ресурсов и энергетики этих двух миров с синергетическим эффектом. Пока же энергетика и ресурсы скорее гасят друг друга, чем суммируются с приращением.

Во многих случаях «второй мир» принимает антиглобалистскую установку и идеологию. Эта установка и идеология превращают «второй мир» в главное препятствие решения общемировых проблем, и сам «второй мир» становится мировой проблемой. Дело в том, что **установка антиглобализма возникает как ответ на консюмеризм и массовые потребительские установки**. Разумеется, это не единственный ответ на консюмеризм, несколько иным ответом является инвайроментализм. Однако в наиболее радикальных проявлениях инвайроментализм и антиглобализм сливаются и начинают усматривать причину глобальных проблем в расширенном потреблении, стимулирующем производство, а ТНК и всю мировую экономику объявляют ответственными за стимулирование потребления и консюмеризма.

Представители «первого мира» потребляют больше, чем представители «второго» и «третьего» миров, и они потребляют первыми. Инновации — это то, что потребляют в «первом мире». А материальное воплощение того, что потреблено вначале в «первом мире» как инновации, приходит во «второй» и «третий» миры уже в виде массового продукта. Инновации (как и изобретения, открытия, шедевры искусства и т.д.) могут возникать в любом из миров, в любом месте земного шара, но потреблять их начинают в «первом мире».

Но не это является отличительной особенностью «первого мира». «Первый мир» первым потребляет знания и идеи, из какой части планеты они бы ни исходили. А в век информации и экономики знаний именно это дает неоспоримые преимущества.

Человеческие качества (любопытство, заинтересованность, исследовательские установки, гибкость, алертность), инструменты поиска нового знания и идей (языковая, социальная, информационная грамотность, эрудиция) прививаются воспитанием и образованием, а способность оценивать достоинство и ценность новых знаний и идей приобретаются только с опытом. Соответственно, образование, воспитание и опыт могут регулироваться. Систему образования и воспитания можно реформировать, организовать так, чтобы учащиеся, новое поколение уже в детстве и молодости вырабатывали в себе необходимые для жизни в «первом мире» человеческие качества.

Знание о том, как организовать обучение, воспитание и приобретение опыта, необходимого людям «первого мира», есть только у людей «первого мира». И они вовсе не собираются это знание скрывать. Напротив, они готовы делиться этим знанием, осваивая и колонизируя территорию и информационное пространство на всей планете, а значит, и Беларусь. Препятствием могут быть только установки и упрямство «второго» и «третьего» миров. Это препятствие тоже устранимо, если «второй мир» развернется навстречу «первому миру».

Активное сотрудничество возможно между людьми «второго мира», заинтересованными в развитии именно своей территории, своего пространства и своего национального сообщества, и людьми «первого мира», которым все равно, в каком пространстве, на какой территории, с энергией и ресурсами какого сообщества решать мировые и глобальные проблемы.

В Беларуси это станет возможным только в том случае, если «второй мир» сможет найти для страны позицию и роль в структуре мирового разделения труда. Причем место в мировом разделении труда придется искать в изменившейся структуре глобальной экономики и хозяйства. Нужно не догонять и перегонять, а искать свое место среди равных, искать свое место среди тех, кто занят решением мировых проблем.

Обобщая многочисленные формулировки глобальных угроз и проблем, их можно свести в три большие группы:

1. Климат, глобальное потепление, изменение ландшафтов, типа хозяйственной деятельности людей;
2. «Великое переселение народов» как усугубление первой проблемы;
3. Идеологическая и образожизненная несовместимость и отсутствие у европейской цивилизации идеологического и мировоззренческого предложения для ассимиляции разных народов и культур. Или иначе: у Европы нет ответа на вопросы: «Зачем мы нужны друг другу?» и «Как нам жить вместе?», которые Европа могла бы предложить представителям других цивилизаций, с которыми приходится жить на одной планете.

Это три главные обобщенные проблемы, они же — глобальные угрозы, но они же могут быть представлены как вызовы. Глобальные вызовы, на которые должен отвечать «первый мир». Представители «второго мира» могут относиться к этому только как к угрозам. Навстречность миров может состояться очень просто: «второй мир» может разделить представление «первого мира» об этом, как о проблемах, подлежащих решению, и как о вызовах, которые касаются всех людей на планете.

Идея исчерпаемости природных ресурсов в начале 70-х годов прошлого века многим казалась фантастической, выходящей за пределы их жизни, далекой от их непосредственных интересов. Инициатор «Римского клуба» Аурелио Печчеи понимал, что решение проблемы упирается в человеческие качества, эгоизм человеческой природы. Проблемы природы на планете решаются через изменение природы человека. В наибольшей степени эгоизм свойственен представителям «третьего» и «первого» миров. Типичная фраза, которую говорят представители этих миров в ответ на альтруистические или солидаристские предложения «второго мира»: «Что я с этого буду иметь?» или «Зачем мне это нужно?».

Но в устах представителей «третьего» и «первого» миров эта фраза имеет очень разный смысл. Человек «третьего мира» руководствуется потребительскими мотивами, и смысл глагола «иметь» для него совпадает с глаголом «потреблять». Представителям «первого мира» важно другое: что они будут иметь для решения тех задач, которыми они заняты, как это поможет решить стоящие задачи. Когда представители «второго мира» Беларуси поднимают вопросы сохранения наследия, возвращения национальных символов, смены режима, они слышат от представителей «третьего» и «первого» миров вопрос в одной и той же форме: «Что мы с этого будем иметь?».

Было бы наивно думать, что каждый представитель «первого мира» день и ночь думает только о глобальных проблемах. Каждая из этих проблем разбивается на множество конкретных задач, и каждый человек озабочен решением именно своей частной и локальной задачи, из совокупного решения которых складывается решение общих проблем.

Решение проблемы глобального потепления известно: человечеству нужно научиться регулировать состав атмосферы на планете. Примерно так, как мы можем регулировать температуру в помещении или освещение, при необходимости увеличивая или уменьшая подачу тепла и света. Изобретение искусственного фотосинтеза, пригодного для технологического использования, требует комплексных программ научных исследований, фундаментальных разработок в физике, химии, биологии, еще большего объема прикладных исследований и разработок. Для создания такой технологии придется привлечь массу инженеров, технологов, программистов, экономистов. Это предполагает такой масштаб научно-технических программ, по сравнению с которым ЦЕРН с его адронным коллайдером покажется задачей для дипломной работы или магистерской диссертации. Такой программы работ еще нет, но актуальность ее все больше и больше осознается в «первом мире». И те, кто озабочен судьбой своей нации и территории во «втором мире», могут стать первыми, если предложат свои ресурсы и возможности для разворачивания такой

программы. И через это смогут найти и занять свое собственное место в мировом разделении труда.

Решение проблемы глобального потепления могло бы предотвратить угрозу «великого переселения народов». Но именно угрозу, а не само «великое переселение» и интенсивную миграцию. Угроза исчезает, если переселение народов и процессы миграции возможно контролировать, регулировать и упорядочить. Контроль, регулирование и упорядочивание процессов миграции возможно при разработке глобальной программы социальных исследований и разработок. Масштаб такой программы не меньше, чем при создании технологий искусственного фотосинтеза, но нагрузку принимают на себя другие науки и дисциплины: социология, этнология, урбанистика, демография, прочие социальные дисциплины и междисциплинарные исследования.

Реформы в Беларуси имеют смысл, становятся необходимыми для того, чтобы Беларусь включилась в решение этих проблем вместе с «первым миром», включилась активно и сознательно, занимая в структуре мироустройства то место, которое сама себе выберет и обустроит, а не то, которое ей будет отведено в процессах колонизации и освоения, перераспределения и принудительного потребления.

2017 год

[ЧИТАТЬ ПОЛНОСТЬЮ](#)